

Рассвет. Биологические часы разбудили Цун Кайгэ. Он медленно открыл глаза, потер веки и сел. Сегодня понедельник — начало новой недели. Цун Кайгэ взглянул на настенные часы, убедился, что время еще раннее, и быстро встал. Натянув школьную форму, он приготовился к новому дню.

В зеркале отразился худощавый мальчик невысокого роста. Кожа у него была бледноватой, но в глазах неизменно светились любопытство и энергия — казалось, он проявляет живейший интерес ко всему, что его окружает.

Приведя себя в порядок, Цун Кайгэ зашел на кухню и обнаружил, что в кастрюле его ждет завтрак, приготовленный бабушкой. Его родители погибли в автокатастрофе, когда он учился в четвертом классе, и с тех пор они с бабушкой остались одни. Бабушка была уже в годах, найти постоянную работу не могла и перебивалась уборкой улиц. Она работала не только ради того, чтобы прокормить внука, но и чтобы выплатить долги, оставшиеся после аварии: несмотря на полученную компенсацию, огромные суммы ушли на лечение в реанимации, которое в итоге не принесло плодов. Перед лицом такой беды у них почти не было времени на скорбь — нужно было бороться за выживание.

Бабушка каждое утро уходила на работу, поэтому всегда оставляла внуку завтрак в кастрюле. Цун Кайгэ приподнял крышку — навстречу ударил пар, смешанный с ароматом еды. Благодаря горячей воде еда оставалась теплой, ее не нужно было ни разогревать, ни остужать.

Взяв миску и палочки, Цун Кайгэ с аппетитом принялся за еду. Вкус завтрака приносил ему чувство удовлетворения и спокойствия, ведь он знал, что бабушка приготовила все с любовью. Допив соевое молоко, он быстро убрал посуду, накинул рюкзак, запер дверь и отправился в школу.

Стоило выйти на улицу, как его обдало свежим осенним ветром. Цун Кайгэ глубоко вдохнул, наслаждаясь прохладой. Он шел по знакомой тропинке, и пейзаж вокруг постепенно оживал. Листья на деревьях вдоль улиц начала желтеть, и редкие листья, срываясь с веток, кружились в воздухе, словно рассказывая истории осени.

Однако сегодняшнее спокойствие было обречено — его должна была нарушить банда хулиганов.

Е Синье, одетый в черную куртку, с легким беспорядком на голове, смотрел на мир с вызовом и уверенностью. На его губах играла презрительная усмешка, делавшая его одновременно и дерзким, и привлекательным — он заметно выделялся среди своей компании. Взгляд Е Синье на мгновение задержался на Цун Кайгэ, словно он оценивал добычу. Он поманил мальчика рукой, призывая подойти.

— Слышал, вы, отличники, народ богатый, — бросил Е Синье. — Доставай деньги, побалуй старших.

Сердце Цун Кайгэ забилося быстрее, но он набрался смелости и подошел. Он знал: иногда

побег помогает, но порой он лишь делает ситуацию хуже.

Е Синье, не церемонясь, протянул руку. Он заметил этого мальчишку уже несколько дней назад. Подростки часто воображают себя непобедимыми хозяевами жизни, и Е Синье не был исключением. В душе он понимал, что его существование для мира ничего не значит, но при этом отчаянно пытался поддерживать имидж крутого лидера перед своими приспешниками.

Цун Кайгэ привели к нему сами же ребята. Школа мальчишки находилась как раз рядом с бывшей средней школой Е Синье. Сам Е Синье после выпуска нигде не учился, но это не мешало ему искать общения с младшеклассниками, которым скоро предстояло перейти в среднюю школу. Разве есть что-то лучше, чем образ спасителя и защитника?

Е Синье подумал об этом и едва не расхохотался, но внешне сохранил невозмутимый вид — даже его приближенные не заметили подвоха.

Цун Кайгэ, глядя на компанию хулиганов, заколебался, но в итоге достал деньги из кармана. Это были его деньги на обеды на две недели. Но он боялся побоев — не столько из-за боли, сколько из-за того, что бабушка будет волноваться, да и на лечение уйдет еще больше денег. По сравнению с этим пропустить несколько обедов казалось пустяком.

Е Синье принял купюры и нахмурился.

— И это все? — он скривился от пренебрежения.

Что-то здесь не так, — пронеслось у него в голове. — Бабушка Цун за день уборки улиц получает пятьдесят юаней. Как у этого пацана на один день выходит пятьдесят? Почему мой младший богаче меня самого?

Е Синье был близок к краху — вся их банда порой не могла наскрести и десяти юаней, а этот новичок запросто выложил полтинник. Но внешне он остался невозмутим. Нельзя терять лицо.

— Простите, это все мои деньги, — Цун Кайгэ опустил голову, стараясь скрыть гнев и беспомощность.

Е Синье взглянул на купюры, потом на мальчишку и, сделав вид, что делает одолжение, процедил:

— Ладно, малец. Жди меня в полдень у школьных ворот. Не придешь — сами придем в школу.

Цун Кайгэ, полный сомнений, все же кивнул.

Е Синье приподнял мальчика и поразился его легкости — тот был даже легче его самого

худощавого приспешника. Было трудно представить, насколько хрупким может быть тело под одеждой.

Е Синье усадил Цун Кайгэ на заднее сиденье своего мотоцикла и протянул шлем:

— Надевай. Подвезу до школы.

Цун Кайгэ не посмел ослушаться и послушно надел шлем. Мотоцикл рванул с места. Сердце мальчика бешено колотилось, лицо побелело — впервые он добирался до школы таким экстремальным способом. Он даже боялся обхватить Е Синье, опасаясь вылететь, и изо всех сил вцепился в поручни, чувствуя, как его то и дело подбрасывает на кочках.

У ворот Е Синье поторопил его слезть — нужно было ехать за остальными. Цун Кайгэ поспешно прыгнул, вернул шлем и побрел в школу. Несмотря на недоумение, он решил, что за пятьдесят юаней поездка была вполне оправдана.

В классе его сразу окружили одноклассники, требуя списать домашку, староста торопил со сдачей тетрадей — и Цун Кайгэ на время забыл о странном утреннем происшествии, быстро влившись в школьную суету.

Е Синье стоял на кухне в доме Лю Мина, держа в руках потрепанную кулинарную книгу, которую тот откопал у себя. Лю Мин был ребенком, чьи родители уехали на заработки, а сам он не хотел жить с бабушкой и дедушкой. После знакомства с Е Синье он отдал ему ключи — все равно дома не было ни денег, ни ценностей, только старая мебель, так что квартира стала штабом для хулиганов.

Солнечный свет падал на пожелтевшую страницу с надписью Жареный рис с яйцом. Е Синье нахмурился, сосредоточенно обдумывая, как приготовить это блюдо.

Самое главное — рис. Сначала нужно сварить его. А овощи... Поразмыслив, он сел на мотоцикл и поехал за продуктами: яйца, морковь, сельдерей, огурцы...

Покупал он все с большим азартом, а вот при готовке немного растерялся. Но лишь на мгновение. Уверенный в себе, он вымыл сковороду, зажег газ и отрегулировал огонь.

Налив масла, он дождался, пока оно раскалится, и бросил туда заранее нарезанный лук и имбирь. Сковорода зашипела, по кухне поплыл аппетитный аромат. Затем он высыпал туда вареный рис и взбитые яйца, начав непрерывно помешивать.

— Черт, чуть приправы не забыл! — Е Синье схватил бутылочки со специями. Соль, перец, соевый соус, немного сахара — он добавлял их на глаз, пытаясь добиться идеального вкуса.

Цвет показался ему блеклым. Черт, забыл нарезать овощи! Выключив огонь, он быстро нашинковал морковь, огурец и сельдерей, добавил нарезанную ветчину и снова включил горелку.

Блюдо получилось... своеобразным. Но его приспешники, прознав, что босс готовит обед, побросали свои дела и собрались в доме. Увидев, что еда уже готова, они накинулись на нее, как стая гиен. В их возрасте, постоянно слоняясь по улицам и пропуская приемы пищи, они были худыми, как бамбуковые палки, и любая еда казалась им деликатесом. Е Синье, увидев, что все вернулись, набил контейнер рисом до краев, утрамбовал его, а остальное отдал своим ребятам. Этот контейнер предназначался Цун Кайгэ.

В полдень у Цун Кайгэ заурчало в животе. Он был беден, но голодать ему случалось редко. Денег на обед у него не было, и он вспомнил слова Е Синье. Колеблясь, он все же пошел к воротам, боясь, что хулиган вломится прямо в школу.

У ворот толпились ученики, многие забирали еду у родителей. Аромат риса дразнил аппетит, и Цун Кайгэ, не увидев знакомого лица, отошел подальше в тень дерева и погрузился в свои мысли.

Вскоре подъехал Е Синье с контейнером в руках. Увидев его, Цун Кайгэ поспешно подбежал. Е Синье посмотрел на худого, как обезьянка, мальчишку, и в груди шевельнулось странное чувство.

— Держи, твой обед, — он протянул ему контейнер из-под йогурта.

Мальчик принял его, замер на секунду, а затем осторожно открыл крышку. В нос ударил запах еды. Цун Кайгэ понюхал, попробовал — вкус, как и внешний вид, оставлял желать лучшего, но он заставил себя есть дальше.

— Ешь быстрее, я туда два яйца вбил, — поторопил его Е Синье грубоватым тоном.

Мальчик не смел медлить — он знал, что ему нужны силы. Пока он ел, он ломал голову, зачем хулиган его кормит.

— Эй, как тебя зовут? — вдруг спросил Е Синье.

— Цун Кайгэ, — ответил мальчик.

— Цун Кайгэ, — повторил Е Синье, словно пробуя имя на вкус. — Хм, звучит как-то издевательски.

Мальчик промолчал, не зная, что ответить на такую шутку. Контейнер был большой, порция — огромная. Цун Кайгэ не смог доесть, и Е Синье, не церемонясь, выхватил у него посуду и сам

начал жадно доедать. Черт возьми, он ведь и сам еще не обедал, пока готовил для этого пацана.

— Это же я ел... — прошептал Цун Кайгэ, боясь, что Е Синье услышит и разозлится.

— Заткнись, ты вообще мою стряпню ешь, мелочь, — Е Синье, набив рот, пробормотал что-то невнятное.

Охранник у ворот следил за тем, чтобы ученики не покидали территорию, но не запрещал родителям приносить еду. Они не выделялись из толпы. Цун Кайгэ хотел уйти, но Е Синье сунул ему пустой контейнер в руки.

— Помой. Вечером заберу. Вали, — не дожидаясь ответа, он повернулся к мотоциклу.

Цун Кайгэ смотрел на контейнер в своих руках, потом на Е Синье, который уже заводил мотор, и вскоре его фигура скрылась вдали.

После обеда солнце косо падало на школьные ворота. Е Синье стоял у своего мотоцикла, раздраженно стряхивая пепел сигареты. Рядом околачивались его дружки, но когда из ворот показался Цун Кайгэ, они рассыпались, как воробьи, оставив Е Синье одного.

— Цун Кайгэ! — крикнул он так громко, что мальчик вздрогнул и обернулся. Он совсем забыл, что его должны забрать.

Е Синье подошел, бросил ему шлем и отрезал:

— Садись.

Цун Кайгэ, глядя в решительные глаза хулигана, подчинился. Они пробирались сквозь пробки, а как только дорога стала свободнее, Е Синье прибавил газ. Мальчик испуганно вцепился в него.

Когда мотоцикл остановился у автобусной остановки рядом с домом, Е Синье бросил на прощание:

— Завтра жди здесь, — и скрылся в переулках.

Между ними возникло странное молчание: утром Е Синье ждал его, чтобы отвезти в школу, в обед привозил еду, вечером — отвозил домой.

— Утро, — бросал Е Синье, будто каждое слово стоило ему золота.

— Доброе утро, — отвечал Цун Кайгэ, думая про себя, что такая жизнь, в общем-то, неплоха.

Однако их главной проблемой оставался обеденный рис. Как бы Е Синье ни старался менять ингредиенты, было неизменно невкусно. Зато он каждый раз привозил ему фрукт — иногда яблоко, иногда апельсин.

— Ты каждый раз готовишь по-разному, но вкус все равно... не очень, — осмелел со временем Цун Кайгэ.

Е Синье нахмурился. Он и сам знал, что готовит паршиво, но что поделать, если на шее еще и банда? Радуйся, что вообще есть рис и овощи.

— Меньше болтай, ешь, что дают.

Наступила новая неделя, и Цун Кайгэ простудился. Утром его голос звучал хрипло, в нос. Е Синье, услышав это, нахмурился:

— Простыл? Лекарства пил?

Мальчик покачал головой:

— Нет, просто чувствую себя неважно.

В обед Е Синье привез не только рис, но и лекарства. Бабушка тоже заметила неладное, но через два дня простуда переросла в нечто серьезное.

Утром Е Синье увидел Цун Кайгэ — он выглядел изможденным, под глазами залегли темные круги, лицо горело, а губы были бледными. Мальчик постоянно шмыгал носом и тихо кашлял, словно каждое движение стоило ему последних сил.

Сердце Е Синье сжалось.

— Кашель слишком сильный. Я не хочу, чтобы ты сдох у меня на мотоцикле. Поехали в больницу, — его тон не терпел возражений.

— Не надо, это просто простуда... — слабо сопротивлялся Цун Кайгэ.

— Не спорь, — отрезал Е Синье.

Мальчик прижался к спине Е Синье, чувствуя, как от него исходит жар. Е Синье, в свою очередь, чувствовал, как от мальчишки идет нестерпимый жар — тот горел в лихорадке.

Обследование вылилось в круглую сумму. У Цун Кайгэ было 39,5, врачи диагностировали пневмонию и назначили капельницы на несколько дней. Е Синье смотрел на счет и молчал. Хорошо, что можно было воспользоваться кредитным лимитом, иначе пришлось бы бросить все как есть. Заработал на младшем пятьдесят юаней, а потратил целое состояние — обидно, конечно. Но, взглянув на бледное лицо Цун Кайгэ, он лишь вздохнул.

Мелкий засранец.

— Лечись, — сказал Е Синье, и в его голосе, несмотря на всю ворчливость, прозвучала теплота.
— О деньгах потом поговорим.

Цун Кайгэ смотрел на него, и на душе стало тепло. Он знал: как бы они ни познакомились, Е Синье — человек стоящий.

<http://bllate.org/book/21576/2222628>